



Памяти Шаки

*Посвящается Марджори
Благодаря Джоан*

В боли важно все: как мы
ее избегаем, как мы ей подда-
емся, как мы к ней относимся,
как мы ее преодолеваем.

Одри Лорд

Старая головешка легко
воспламеняется.

Ямайская поговорка

1

В первую годовщину смерти жены Завьер Редчуз встал до рассвета и спустился в кухню засолить треску. Он уселся, держа в руках зеленую записную книжку, и в ожидании доставки стал перелистывать левым большим пальцем замусоленные страницы. В ресторанном окне виднелась бледневшая золотистая луна. Зал «Стихотворного древа» был объят тишиной, слышались только порывы утреннего ветра, теребившего входную дверь.

День обещал быть непростым, в этом Завьер не сомневался.

Вскоре с уловом появился местный рыбак, за ним плелся его сын-подросток. Отец преклонил колени, сын опустил глаза, уставившись на серебристо-голубые рыбы спинки. Этот паренек и заметил жену Завьера — безвольно раскинув руки и ноги, она покачивалась на волнах прибоя, — и вынес ее труп на берег. По его словам, мертвый голос Найи, когда она уткнулась ему в грудь, звучал, точно сгнивший ананас: сладко и хрипловато.

Можешь теперь меня положить, мальчик.

Дело было плохо.

Сын рыбака смотрел вслед шедшей по песку женщине, покуда она не скрылась из виду.

— Почему же ты ее не удержал там? — злобно спросил Завьер. — Не позвал меня? Мог бы хоть что-то сделать.

— А что я мог сделать? — проканючил мальчишка.

— Дай мне пару дней, радетель, я приведу его в чувство, и он все вам расскажет! — попросил отец. — Проклятый дурень спрятался в кустах!

Когда люди умирали в одиночестве, лишенные достойного похоронного обряда, их тела могли шататься по острову годами, истлевая и усыхая. Все видели подобных призраков, что латали свои тела кусками мусора и бродили, безумные. Люди, встретившие смерть в одиночестве: кто от сердечного приступа, кто от апоплексического удара, или от старости, или во сне. Упавшие на камень и разбившие голову. Нищие. Убитые. Покончившие с собой. Утопленники. Люди шептались о них, прикрывая рот ладонями. *Все они, знаете ли, померли по одной и той же причине. Одиночество.*

Завьеру было больно думать так о своей свирепой жене.

Завьер заплатил за двух рыбин с толстыми брюшками и за мешочек бархатистых тресковых печенок и заметил, как задрожал рот у младшего рыбака, когда тот вывалил покупку на кухонный стол. Он так и не простил этого мальчишку. Неужели трудно было справиться с мертвой женщиной, раз на карту было поставлено так много?

— Благословение тебе, радетель, — сказал рыбак и хлопнул треску по спинке. — Пусть твой день будет удачным, да?

Завьер кивнул.

Он прислонился к дверному косяку, вслушиваясь в их шаги. Они шли по его саду на краю утеса, и он мысленно перечислял все растения, мимо которых они шагали: жемчужные бугенвиллеи, расцветающие по ночам цереусы, прильнувшие к стволам манговых деревьев, азимины и миндаль, жгучий перец, тыквы и белые розы. Ему нравилось, когда среди разнотравья виднелись цветы, потому что они привлекали полезных насекомых. Отец и сын спускались по крутым ступеням, тихо призывая друг друга смотреть

под ноги. Ему нравилось звучание голоса отца-рыбака. Он вспомнил свою молодость. *Время, когда ты, радатель, еще не стал говорить на английском*, как любил подтрунивать над ним брат Айо, улыбаясь во весь рот. Завьер по привычке цыкнул зубом. Он не был так уж крут, что бы брат ни говорил. Он все еще умел выругаться на языке предков.

Он почесал подбородок тыльной стороной ладони. Пора бы подровнять бороду.

Скоро придет Чсе, семилетняя дочурка Айо, и потребует завтрак. Она тоже была ранняя пташка. В первые месяцы после смерти Найи Чсе единственная осмеливалась заходить к нему в комнату без приглашения, забиралась в его гамак и болтала ножками. Она говорила ему, что он слишком высоченный и ему надо бы как-то себя укоротить, а когда в комнате дурно пахло — *ой, какая вонь!* — она вытягивала ручки, распахивала окошко и, взяв его за лицо, поворачивала к восходящему солнцу.

— Ты сегодня будешь выходить, дядя?

— Сегодня нет, Чсе.

Тогда она хватала его за нос, тянула, пока он не уступал и, схватив ее, не начинал с хохотом подбрасывать в воздух.

— Смотри, не урони меня, дядя Англиш!

* * *

Завьер глубоко вздохнул и вышел во двор. Перед ним раскинулся темный сад, за которым маячил весь архипелаг Попишо. Ресторан «Стихотворное дерево» был идеально расположен на острове Баттизьен — в самом центре столичного Притти-тауна, но при этом вдали от городской суеты, на утесе над гаванью. Отсюда он видел завсегдатаев, бредущих по песку к его заведению, а после трапезы — прочь: поблескивающую на солнце вереницу сытых людей, которая текла к морю, словно пена прибоя.

Насытившись у него, кто-то плавал, кто-то танцевал.

Поднялся над горизонтом оранжевый серп, похожий на любопытный глаз яичного желтка. Он закрыл глаза и медленно закружился, выпрямив спину и выбросив руки вперед ладонями кверху. От кончиков его пальцев к востоку и западу тянулись песчаные пляжи. Залив, словно отлитый из потемневшего золота, и заякоренные рыбацьи лодки, повсюду торчавшие в ленивой воде; высокое узкое здание школы, старый городской рынок, храм, откуда доносился торжественный звон колоколов, — его палец мог коснуться шпиля; одна из многих фабрик игрушек, выкрашенная в уродливый зеленый цвет соплей, текущих из носа при сильном насморке; приземистые кремовые домики, притулившиеся на склонах холмов и вечерами освещенные пламенем дворовых печурок. Иногда он навещал обитателей этих домиков и предлагал им краску для пламени ярких цветов, чтобы посетители его ресторана могли любоваться необычной расцветкой огней на окрестных холмах.

— Да уж, радетель, — говорили ему хозяева, с улыбкой глядя на его смиренное лицо, — конечно, только ради тебя и избравших тебя богов.

Он перестал кружиться и открыл глаза. Вдалеке мерцали огоньки соседнего с Баттизьеном острова Дукуйайе, чья темная громада отчетливо проступала в лучах утреннего солнца. Взглянув на север и прищурившись, можно было различить Мертвые острова, похожие на россыпь мокрых голубых камушков. Давненько он до них не добирался.

Мир вокруг него вновь пробуждался. В зеленой записной книжке был список важных дел на сегодня.

1. Доставка рыбы.
2. Хренотень.

* * *

Поскольку тело Найи не нашли и обмывать и заворачивать в саван было нечего, Завьер провел церемонию на берегу океана. Он стоял, взяв за руку тещу, их обступили члены семьи и друзья, а безмолвные ведуньи в золоти-

стых платьях разбрасывали священные травы и проводили обряд, выливая ром в воду.

— Какая трагедия, — шептали собравшиеся, к его неудовольствию, слишком громко. — Она всегда плохо плавала.

— Она будет тебе являться, Зав, — сдержанно сказала ему матушка Сут, похлопав его по плечу. Они стояли в его рабочем кабинете. — Ты же знаешь, они частенько посещают тех, кого сильно любят.

Он поцеловал ее в лоб. Глаза у нее были сухие. Услышав о смерти единственной дочери, она заголосила, осела, едва не упав навзничь, но стоявший рядом муж успел ее подхватить, обвив рукой за талию, а она вцепилась в свой живот и яростно его потрясла.

— Она захочет прийти к матери, — прошептал Завьер.

Но оба они знали, что она права. Найя придет в поисках освобождения к нему. А единственным способом освободить призрак было... избавиться от всего, что осталось живым.

Он был готов сделать все необходимое. То, чего не смог сделать сын рыбака.

После погребения он переоделся в рабочую одежду и стал готовиться к вечерней службе. Он не пропустил ни одной. Даже в первые месяцы, когда он целыми днями спал, повернувшись спиной к пустому гамаку Найи, Зав все равно вставал после захода солнца и, пошатываясь и щурясь, шел на кухню, где взваливал на спину куски козлятины и тушки хутий¹ и, жуя хлебные корочки и овощные обрезки, брал тесаки, чтобы разрубить кости.

В кухню вошла его су-шеф Му в погребальном белом платье и спросила, что это он тут делает.

Завьер замер над шкварчавшими сковородками, равнодушно поглядев на свои руки: они дрожали мелкой дрожью.

¹ Х у т и я — вид съедобных грызунов, обитающих на Ямайке (иначе: ямайский кролик). — *Здесь и далее прим. переводчика.*

— Найю это бы не удивило, — заметил он.

— Не удивило бы, радетель. — Му и глазом не моргнула. — Но я говорю не про удивление. Я говорю про приличия.

Му была молчунья, но она любила его жену.

Завьер цыкнул зубом и снова повернулся к плите. Му передразнила его, цыкнув в свой черед, и оборотилась к выходу. Он уволил одиннадцать поваров, пока не нашел ее, обладавшую тонким нюхом на разнообразные ароматы и копной прыгающих спиралевидных куделек, — его поразила эта девчачья прическа! А как она снимала жировую накипь со стенок кастрюли — точно дирижировала церковным хором! В тот вечер Му уже не вернулась, и Завьер остался наедине с посудомойкой и одной из официанток, которую уговорил помочь ему вымыть грибы и вынуть из форм пироги, и обе ходили за ним хвостиком, вытирая тарелки и то и дело натываясь на разные предметы. Официантка пару раз обожглась и принялась громко жаловаться. Ей не приходило в голову, что у поваров вся спина в синяках и кожа вечно содрана? У него самого руки были испещрены порезами от разделочных ножей и ожогами от кипящего соуса; царапинами от свиной щетины и рыбьей чешуи и шрамами от усталости и раскаленных сковородок, но он только орал:

— Разве я не просил посыпать сковородные рукоятки мукой, чтобы сразу было видно, какие они горячие? Идио-о-отка!

Воспоминания о молчаливой укоризне Му все еще его нервировали. Он надеялся, что помощница будет знать свое место. У него за плечами было без малого двадцать лет стряпни для взрослых жителей Попишо. Он восхищал мужчин и женщин архипелага своей едой. Он всю жизнь посвятил этому — сначала годы обучения, затем годы труда. А еще надо было найти подходящую замену себе, ученика-аколита, и обучить его всем премудростям поварского искусства, чтобы тот мог начать дело заново.

Неудачи быть не могло. Лишь один радетель до него не справился с этой миссией, да и то потому, что умер.

Смерть Найи напомнила ему, что верить в обещания нельзя.

Недели тянулись за неделями, и он проникся мыслью, что когда Найя вернется, его не окажется дома. Она зайдет в их уютную спальню, а он как раз уйдет на рынок. Или в храм вместе с Чсе — а Найя будет ждать его в саду. Прочь, прочь от разлагающегося трупа, рыщущего в поисках мужа! А вдруг она явится и застигнет его спящим — это был самый жестокий вариант.

Призраки плачут? Какая разница. Ему надо сидеть в доме и ждать.

Напрягая мышцы рук и плеч.

— Давай побыстрее, прошу тебя, — сказала тогда матушка Сут.

А потом многие месяцы он носа не казал из «Стихотворного древа» — даже в сад не выходил, чтобы обиходить растения. Сидел целыми днями в спальне или поздними вечерами бродил по дому, не находя себе места, чувствуя, что еще немного — и он спятит. Он нашел старые записки, что она ему писала до своей смерти, завалившиеся за плиту, промасленные и непрочитанные или упавшие под куст: *встретимся здесь, Зав, почему бы нам не сходить...* И он стоял, теребя их в руках, и шептал: *жена, жена...* Это слово превратилось в багровую тень, которая с шелестом вылетела сквозь щель в стене, метнулась вниз с утеса и попала в соседский дом, где перепугала детей, вытаращивших на нее глаза и прикрывших рты ладошками.

Но за весь год Найя так ни разу к нему и не вернулась.

* * *

Айо приехал в ресторан через две недели после погребения со своим немудреным скарбом, уместившимся в трех потертых саквояжах, и с желтым цыпленком